

Информация для цитирования:

Бармина Е. А. Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода / Е. А. Бармина, О. Г. Скидан // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 47—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64.

Barmina, E. A., Skidan, O. G. (2023). Speech Portrait of a Mentally Unhealthy Character as a Translation Problem. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 47-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64

**Речевой портрет
психически
нездорового персонажа
как проблема перевода**

Бармина Евгения Александровна

orcid.org/0000-0002-8255-401X

кандидат филологических наук,

доцент кафедры

«Теория и практика перевода»

mar.indigo@mail.ru

Скидан Ольга Геннадьевна *

orcid.org/0000-0003-3231-1965

кандидат филологических наук,

доцент кафедры

«Теория и практика перевода»,

* *корреспондирующий автор*

skidan_ua@mail.ru

Севастопольский
государственный университет
(Севастополь, Россия)

**Speech Portrait of a Mentally
Unhealthy Character
as a Translation Problem**

Evgeniia A. Barmina

orcid.org/0000-0002-8255-401X

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation

mar.indigo@mail.ru

Olga G. Skidan *

orcid.org/0000-0003-3231-1965

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation

* *Corresponding author*

skidan_ua@mail.ru

Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)

© Бармина Е. А., Скидан О. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель данной статьи — описать механизм определения ключевых параметров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста в аспекте достижения прагматической адекватности перевода. В качестве материала выступили роман «Цветы для Элджернона» Дэниеля Киза, рассказ «Тот, кто хочет выжить» Стивена Кинга и роман «Американский психопат» Брета Истона Эллиса. В качестве инструмента используется предложенный авторами алгоритм предпереводческого анализа. Установлено, что при создании речевого портрета в художественных текстах используются определенные лингвистические маркеры, наблюдаемые по одному или нескольким параметрам. При этом используемые лингвистические маркеры достоверно характеризуют реально существующие факты измененного языкового сознания при психических расстройствах. Составляющими речевого портрета персонажа могут быть речевая агрессия (обсценная лексика), метафоры, определенное членение предложений, вербализация имиджа грандиозности и др. Авторы приходят к выводу, что предложенный алгоритм с применением данных психолингвистики позволяет проследить особенности отбора выразительных средств в оригинале и выявить релевантные маркеры речевого портрета психически нездорового персонажа для последующей репрезентации этих характеристик как функциональных доминант в переводе. Это поможет избежать сдвигов при реализации образа персонажа в переводе.

Ключевые слова:

речевой портрет; переводоведение; речь психически нездорового персонажа; перевод; прагматика высказывания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this article is to describe the mechanism of determining the key parameters of the speech portrait of a mentally unhealthy character in a literary text in terms of achieving pragmatic adequacy in translation. The material used for analysis includes the novel 'Flowers for Algernon' by Daniel Keyes, the short story 'Survivor Type' by Stephen King, and the novel 'American Psycho' by Bret Easton Ellis. The authors utilize a proposed algorithm of pre-translation analysis as a tool. It has been established that specific linguistic markers are employed in creating the speech portrait in literary texts, observed through one or multiple parameters. These linguistic markers accurately characterize the existing facts of altered language consciousness in mental disorders. Components of the character's speech portrait may include verbal aggression (obscene language), metaphors, specific sentence structures, verbalization of grandiosity, etc. The authors conclude that the proposed algorithm, with the application of psycholinguistics data, allows for tracing the peculiarities of selecting expressive means in the original text and identifying relevant markers of the speech portrait of a mentally unhealthy character for subsequent representation of these characteristics as functional dominants in translation. This will help avoid shifts in realizing the character's image in translation.

Key words:

speech portrait; translation studies; speech of a mentally unhealthy character; translation; pragmatics of speech.

Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода

© Бармина Е. А., Скидан О. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема психического здоровья, все чаще поднимаемая в современной литературе, вызывает интерес у исследователей различных направлений: медицины, социологии, лингвистики. Если в прошлом данная тема являлась табуированной, образ психически нездорового человека часто отождествлялся со зверем или сверхъестественным существом, то со временем отношение к данному явлению изменилось. На сегодняшний день наблюдается смещение фокуса интерпретации: многие психические отклонения рассматриваются как продукт современного высокоразвитого индустриального общества. Живой интерес у исследователей вызывают особенности репрезентации психологических расстройств личности в произведениях массовой культуры, например, в телевизионных сериалах [Lopera-Mármol et al., 2022, p. 133], а также в продукции с использованием технологии виртуальной реальности, обеспечивающей полное погружение в измененные состояния психики для их более подробного изучения и дестигматизации людей, страдающих от подобных отклонений [Bakk, 2023].

Исследования в области психиатрической лингвистики подтверждают, что психические расстройства сопровождаются изменениями языкового сознания [Шпильная, 2020, с. 142]. Как известно, продуктом языкового сознания выступает речь, соответственно, именно речь (устная либо в форме дневниковых записей) предоставляет критически важную информацию о психическом здоровье человека. Такие речевые маркеры, как изменение тональности, темпа, наличие пауз, алогия, связность, содержательность, различные структурно-семантические, когнитивные и прагматические особенности патологических текстов, используются специалистами при оценке психического состояния пациента [Пашковский и др., 2015, с. 48—58; Low et al., 2020, p. 96—116]. При выявлении шизофрении, например, опираются на эмоциональное содержание высказывания, его сложность, связность и синтаксическую структуру [Corcoran et al., 2020, p. 72—75]. При этом исследования метафорики автобиографических нарративов людей с патологией психики не только проливают свет на особенности их

мышления, сознания и самопонимания, но и позволяют выявить закономерности развития эмпатии в обществе [Stanger Elran, 2019, p. 118]. Психологи отмечают преимущественно предвзятое отношение к людям с различными отклонениями [Robb et al., 2016, p. 5—10], что во многом объясняется тем фактом, что репрезентация психического здоровья в литературе и искусстве носит в основном стереотипный характер [Kimmerle et al., 2013, p. 935—940]. Текстовое воплощение данной темы в художественных текстах варьируется от описания страданий персонажа, вызванных расстройством психики, до методов борьбы с ним. В центре подобного повествования находится образ психически нездорового человека, в поведении и речи которого прослеживаются девиантные характеристики.

В самом широком понимании девиантным (лат. *deviatio* — отклонение) считается такое поведение, которое не укладывается в социальные нормы, например, нанесение ущерба собственной личности или обществу, социальная дезадаптация [Змановская, 2008, с. 14], а также любые действия, вызывающие в обществе осуждение. Что касается девиантного речевого поведения, то диагностирование его форм относится к одной из острых лингвоэтических проблем [Дускаева, 2014, с. 10]. Исследователи медийного речевого поведения относят к девиантным формам не только речевые ошибки, но и формы речевой агрессии (клевету, оскорбления) [Там же], интонационно-грамматические девиации [Куприянова, 2021, с. 441].

В фокусе настоящей статьи находится исследование средств, формирующих речевой портрет психически нездорового человека в произведениях популярных американских писателей, в контексте их воссоздания в переводе на русский язык. При оценке качества перевода (определении его эквивалентности и адекватности), на наш взгляд, приоритет принадлежит именно прагматической эквивалентности, то есть ориентации на достижение равенства реакции получателя оригинала и перевода. Таким образом, принимается во внимание не только значение слов, предложений и дискурсивных структур, но и их символический характер, то есть вызываемые ими ассоциации. Актуализация импликационала происходит за счет опоры на определенные ассоциации носителей того или иного языка, что позволяет реализовать прагматический потенциал высказывания в переводе. В качестве такой опоры, или некоего *tertium comparationis* — отправного общего момента сравнения — могут выступать реальные речевые маркеры психических отклонений, полученные на основе исследований в области психолингвистики.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения вопроса отбора языковых средств в тексте художественного произведения для достоверной репрезентации образа персонажа, а также

анализа переводческих приемов, способствующих воссозданию художественного образа в переводе.

Новизна исследования заключается в разработке алгоритма предпереводческого анализа речевого портрета как маркера психического состояния для полноценного воссоздания образа девиантной личности в переводе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — описать механизм определения ключевых параметров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста в аспекте достижения прагматической адекватности перевода. В качестве **материала** для исследования мы выбрали роман «Цветы для Эдгернона» Дэниеля Киза, рассказ «Тот, кто хочет выжить» Стивена Кинга и роман «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, в которых преобладает «внутренняя фокализация» в терминах Жерара Жеттета [Жеттет, 1998, с. 205], при которой фокальный персонаж сам является нарратором.

Объектом исследования выступает речевой портрет психически нездорового человека как междисциплинарный феномен, **предметом** — маркеры речевого поведения психически нездорового персонажа в художественном тексте в аспекте адекватности их воссоздания в переводе.

Методом сплошной выборки для анализа были отобраны те текстовые фрагменты, в которых актуализированы особенности речевого поведения персонажа в периоды проявления симптомов болезни. Для выявления механизмов концептуализации феномена психического нездоровья и идентификации средств создания речевого портрета девиантной личности используются дефиниционный, контекстуальный, лингвостилистический, функционально-стилистический, а также интерпретативный анализ текстовых фрагментов; сопоставительный переводческий анализ позволяет оценить степень воссоздания речевого портрета в контексте эквивалентности и адекватности.

Важность достоверной речевой характеристики для создания образа психически больного персонажа отмечается рядом исследователей [Горбачева и др., 2020, с. 60—61; Зеленева, 2015, с. 45; Сайтбатталова, 2019, с. 227; Фомина и др., 2022, с. 297]. Известно, что для гиперболизированной детализации психического состояния своих героев Ф. М. Достоевский использовал даже соответствующую медицинскую литературу своего лечащего врача. В речи Ивана Карамазова прослеживается столкновение иррациональных и рациональных структур сознания, что является примером выраженного психоза. В нарративе Барбары О'Брайен «Operators and Things: The Inner Life of a Schizophrenic» представлена речевая харак-

теристика пациента, больного параноидной шизофренией. Таким людям свойственна постоянная умственная активность и оживленный внутренний диалог либо с самим собой, либо с другими личностями внутри себя. Поэтому речь пациента грамотная, структурированная, а также наполнена сложными грамматическими конструкциями. Такой пример вербализации психического заболевания является довольно нетипичным, но именно такая речь сигнализирует о наличии заболевания. Не менее популярной в художественной литературе и среди исследователей является и тема «множественной личности». Персонаж с расстройством множественной личности репрезентируется автором в произведении через «мотив маски», который является неотъемлемой частью лица героя: в зависимости от точки зрения лицо может восприниматься как маска, а маска как лицо.

Исследование речевого портрета персонажа уходит корнями в философско-эстетическую концепцию М. М. Бахтина, в которой он рассуждает «о моментах, примыкающих к наружности и восполняющих в словесном творчестве неполноту живописного портрета» [Бахтин, 2000, с. 17]. Исследователи отмечают, что «лингвистические исследования в области речевого портретирования последних лет свидетельствуют о существенном усложнении и дифференциации понятийного содержания термина в сравнении с первоначальной трактовкой» [Макеева, 2014, с. 79]. В исследовательской среде сосуществуют терминологические единицы, характеризующиеся схожестью семантики, например, *коммуникативный портрет*, *языковой портрет*, *лингвокультурный типаж*, *речевая характеристика*, *речевое поведение*. В нашем исследовании мы оперируем понятием «речевой портрет», под которым вслед за Т. Н. Колокольцевой понимаем «совокупность вербальных и изобразительно-выразительных средств текста, интерпретация которых позволяет раскрыть характер персонажа, сформировать представление о психологическом складе его личности, интеллектуальном и культурном уровне» [Колокольцева, 2015, с. 88].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Реконструкция речевого портрета требует фиксации речевых особенностей на всех языковых уровнях: фонографическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и прагматическом. На каждом из уровней речевые характеристики выражают индивидуальные особенности персонажа, образуя в конвергенции целостный речевой портрет. Важным дополнением в контексте проблематики данного исследования считаем тезис о том, что при выборе стратегии перевода переводчик должен опираться на «яркие диагностирующие пятна» [Николаева, 1991, с. 73], поскольку «на представление читателя о речевом портрете того или иного персонажа влияет

зачастую не восприятие всего корпуса художественных диалогов и монологов произведения, а отдельные фрагменты общей картины, наиболее впечатляющие живописные мазки» [Колокольцева, 2015, с. 88], в контексте нашего исследования — речевые маркеры психических отклонений.

Чтобы убедить читателя в том, что актуализируемые в тексте персонажи — это реальные живые люди, необходимо осуществить стилизацию речи на таком уровне, который бы оставлял у читателя впечатление абсолютной естественности. Предпереводческий анализ речевого портрета персонажа поможет переводчику в принятии соответствующих решений для сохранения и репрезентации образа нездорового человека в переводе (сохранения прагматики оригинала). Полноценная репрезентация образа персонажа в переводе требует сохранения его речевого портрета как маркера психического состояния. Выделение релевантных характеристик речевого портрета возможно на основе исследования частотности тех или иных средств различных уровней, используемых автором оригинала для речевой характеристики персонажа.

Задача переводчика заключается в сохранении лингвистических маркеров речевого портрета персонажа, чему способствует комплексный предпереводческий анализ. При разработке алгоритма такого анализа мы опирались на трехступенчатую модель анализа речевого портрета, предложенную М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская и др., 1995, с. 10], в которой предлагается исследование лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности. Первый этап анализа выявляет степень владения персонажем лексико-грамматическим фондом языка, второй дает представление о его языковой картине мира, третий воплощает собой систему его коммуникативных намерений.

Применительно к анализу речевого портрета психически нездорового персонажа в переводческом аспекте эту модель можно применить для построения алгоритма, подразумевающего прохождение трех этапов:

1. Методом сплошной выборки выделяются все лингвистические средства, используемые данным персонажем. При этом анализируются степень владения персонажем основными закономерностями языка, то, что мы называем нормами, грамматической и стилистической правильностью речи, богатство словарного запаса, характер используемых выразительных средств.

2. Выявляются наиболее частотные лингвистические маркеры, по которым можно судить об узнаваемости данного персонажа как носителя того или иного психологического расстройства. Например, характеристиками, свидетельствующими о нестабильности психики персонажа, могут служить перепады акцентуированности речи, ее гротескность, наделение голоса персонажа нечеловеческими качествами.

3. Определяются коммуникативные цели персонажа, а также соответствие лингвистических средств этим коммуникативным целям; например, проявление безразличия к чувствам и переживаниям других людей, приоритет собственного «Я».

3.1. Речевой портрет Чарли Гордона

Уровень интеллекта — один из ключевых факторов, определяющих параметры устной и письменной речи. Речь умственно отсталого человека, как правило, характеризуется алекситимией, аграмматизмом, алогией, отсутствием эмоциональных маркеров в речи, грамматическими и орфографическими ошибками. В романе «Цветы для Элджернона» речевой портрет Чарли Гордона, персонажа, который страдает фенилкетонурией, вызывающей умственную отсталость, наиболее ярко представлен на уровне лексикона. Он проступает уже на первом этапе предпереводческого осмысления образа, подразумевающим анализ степени владения персонажем лексико-грамматическим фондом языка. В тексте романа речевой портрет Чарли Гордона создается с помощью графона, графо-стилистического приема, призванного отобразить в тексте особенности произношения персонажа с учетом его физиологических особенностей и эмоционального состояния.

Для передачи симптоматики болезни в романе задействованы различные типы графона (окаzionaliальные, рекуррентные, интериорные, контактные), графически отображающие орфографические искажения и нарушения грамматической нормы в речи персонажа. Наиболее часто используются графоны интериорные, отражающие на письме преобразования слов, основанные на элизии гласного звука, например, «pictures» (pictures), «agan» (again), «sed» (said), «thot» (thought), «thru» (through) или удвоенного согласного: «progris» (progress), «reely» (really). Не менее частотное такое нарушение орфографической нормы, как удвоение согласного, например, «tollld» (told). В представленном фрагменте присутствуют окаzionaliальные графоны («exited», «hardley», «argament» «frist», «testid», «rekemmed», «retarted»), которые проявляются в речи в момент эмоционального напряжения персонажа, и рекуррентные («rite», «tollld»), присутствующие в речи персонажа на протяжении всего повествования.

«Im so exited I can hardley rite it down. But then Prof Nemur and Dr Strauss had a argament about it frist. I was sitting in Prof Nemurs office when Dr Strauss and Burt Selden came in. Prof Nemur was worried about using me but Dr Strauss tollld him I looked like the best one they testid so far. Burt tollld him Miss Kinnian rekemmed me the best from all the people who she was teaching at the center for retarted adults. Where I go» [Keyes, 2004, p. 9].

«Я так валнуюсь што едва могу записать все это. Но с начала проф Немур и док Штраус не много паспорили. Я сидел в кабинете у профа Не-

мура когда вошли док Штраус и Барт Селдон. Проф Немур почемуто би-спасоился наиот меня но док Штраус сказал я выгляжу лутшие всех ково они видели. Барт сказал мис Кинниан рикамендавала меня ис всех ково она учит в школе для умствено атсталых. Куда я хожу» [Киз, 2016, с. 17].

Ошибки, допускаемые главным героем, чаще связаны с написанием по принципу фонетического письма. При переводе важно сохранить этот принцип, чтобы воссоздать речевой портрет хоть и умственно отсталого, но взрослого человека. В русскоязычном варианте можно проследить пример компенсации за счет использования того же принципа фонетического письма, только с учетом особенностей русского языка. Перевод точно передает стилистическую специфику текста и эмоциональное состояние главного героя: переводчик Сергей Шаров использовал простые конструкции, выдержал определенное количество графонов в речи главного героя, используя в основном синтаксическое уподобление и компенсацию. Созданные им эрративы позволили сохранить патологический эффект текста и воссоздать речевой портрет умственно отсталого человека, удовлетворяющий критерию прагматической эквивалентности.

Важно добавить, что столь подробное языковое оформление речевого портрета не только реализует экспрессивную и информативную функцию при создании образа, но и способствует передаче основной идеи произведения: «невозможности комфортного существования личностей с девиациями в социуме, не готовом принять в свои ряды “чужого”, непохожего на остальных» [Çelikel, 2020, p. 89].

3.2. Речевой портрет Ричарда Пайна

В центре сюжета, раскрываемого с помощью дневниковых записей, — хирург-наркоторговец, оказавшийся в результате кораблекрушения на небольшом куске суши посреди океана. Голод и употребление наркотиков приводят к развитию у персонажа галлюциноза и аутосаркофагии.

Анализ речевого портрета на первом этапе дает общее представление о языковой личности Ричарда Пайна, его социальном статусе, профессии, внутреннем облике и образе жизни. Несмотря на текстовое воплощение образа циничного беспринципного хирурга, которому не присущи морально-этические нормы, его речь до проявления симптоматики психического расстройства свидетельствует о развитом уровне интеллекта, признаками которого являются самоирония и употребление медицинской терминологии. Персонаж находится в условиях изоляции, следовательно, уровень прагматики (соответствия языковых средств коммуникативным намерениям личности) для анализа речевого портрета нерелевантен.

Переводческий интерес вызывает стадия перехода здорового языкового сознания в измененное состояние. Актуализация измененного состояния

персонажа, стремящегося выжить любой ценой, даже поедая самого себя, мастерски создается С. Кингом за счет конвергенции лингвистических приемов и средств: парцелляции (обрывочные воспоминания рекламного джингла компании Макдональдс), лексических повторов, эллиптических конструкций, графических средств (капитализация), графона:

«You ... deserve ... a break today ... sooo... get up and get away ... to McDonald's ... two all-beef patties ... special sauce... lettuce... pickles... onions... on a ... sesame seed bun ... Dee... deedee... dundadee ... <...>

They say you are what you eat and if so I HAVEN'T CHANGED A BIT! Dear God shock-trauma shock-trauma THERE IS NO SUCH THING AS SHOCK-TRAUMA HA» [King, 2022, p. 567];

«Ты... заслуживаешь... перерыв... сегодня... скорооо... встанешь и пойдешь... в «Макдональдс»... две отбивных... соус... салат... соленые огурцы... лук... на... булочке... с кунжутными семенами... <...>

Говорят, что человек — это то, что он ест. Ну что ж, если так, то я НИСКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛСЯ! Боже мой травматический шок травматический шок НИКАКОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ШОКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ ХА» [Кинг, 2010, с. 31].

В переводе наблюдаем сохранение парцеллированной конструкции, что передает интонационную экспрессию и отрывистость произнесения. Однако буквальный перевод фразы не позволил сохранить отсылку к известному рекламному джинглу и передать эффект «заезженной пластинки», ведь персонажу все труднее удерживать ясность сознания, мысли о еде перерастают в обсессивно-компульсивное расстройство и безумие. Актуализация в тексте происходит за счет стилевой диффузии (соседства библейских аллюзий и детских считалок), эрративных конструкций (нарушения синтаксической структуры предложения), лексических повторов, междометий, подразумевающих смеховую реакцию:

«left hand washes the right don't let your left hand know what your right hands doing one potato two potato three potato four we got a refrigerator with a store-more door hahaha. Who cares, this hand or that. good food good meat good God let's eat. lady fingers they taste just like lady fingers» [King, 2022, p. 568];

«левая рука моет правую и пусть твоя левая рука не знает о том что делает правая раз два три четыре пять вышел зайчик погулять хахаха. Какая разница. одна рука или другая. мясо хорошее хорошая еда спасибо тебе Боже ты добр к нам всегда. у пальцев вкус пальцев ничего особенного» [Кинг, 2010, с. 32].

Последнее предложение свидетельствует об окончательной потере здравомыслия, размытии границ реальности; персонаж не понимает, что

с ним происходит, он ест собственные пальцы, пытаясь убедить себя, что это бисквитное печенье «дамские пальчики». Перевод этого фрагмента не отвечает критерию прагматической адекватности, поскольку создается картина осознанных действий персонажа, который уже пробовал пальцы на вкус. Таким образом, в переводе происходит сдвиг: в оригинале персонаж вызывает больше сочувствия, ведь при всем своем цинизме он — продукт той среды, в которой выживает только сильнейший (что отражено и в названии произведения), в переводе — скорее страх и неприязнь. Возможно, такое переводческое решение было принято осознанно как проявление точки зрения переводчика на данный образ. Ведь художественный перевод — так или иначе творческая интерпретация. Но при этом нельзя не отметить, что в результате такой интерпретации произошли сдвиги в репрезентации образа героя в сторону его еще большей дегуманизации.

3.3. Речевой портрет Патрика Бэйтмена

В романе «Американский психопат» нарциссизм, благоприятные условия для которого создает имидж успеха любой ценой, представлен как социальное явление. Поэтому функциональной доминантой данного произведения является речевой портрет Бэйтмена как собирательного образа человека с нарциссически расстройством личности. Его речевой портрет складывается при последовательном анализе лингвистических средств, используемых автором для достоверного описания этого деструктивного расстройства.

При анализе словарного запаса и владения разнообразными грамматическими структурами необходимо отметить высокий уровень интеллекта персонажа, что находит отражение и в переводе. Интерес представляет анализ речевого портрета Бэйтмена с точки зрения проявления его девиантного поведения. Тут необходимо отметить возведенное в абсолют стремление к внешнему совершенству и превосходству (так называемый имидж грандиозности) [Короленко и др., 2011, с. 84—87], что находит отражение в подробном (вплоть до деталей) описании предметов гардероба и интерьера, их цветовой палитры, использовании названий брендов. При этом женщина оценивается как еще один атрибут образа, а также сексуальный объект, что свидетельствует об отсутствии эмпатии к переживаниям других людей:

«Scott Montgomery walks over to our booth wearing a double-breasted navy blue blazer with mock-tortoiseshell buttons, a prewashed wrinkled-cotton striped dress shirt with red accent stitching, a red, white and blue fireworks-print silk tie by Hugo Boss and plum washed-wool trousers with a quadruple-pleated front and slashed pockets by Lazo. He's holding a glass of champagne and hands it to the girl he's with — definite model type, thin, okay tits, no ass, high heels — and she's wearing a wool-crepe skirt and a wool and cashmere

velour jacket and draped over her arm is a wool and cashmere velour coat all by Louis Dell'Olio» [Ellis, 2003, p. 37];

«К нашему столу приближается Скотт Монтгомери. На нем — темно синий двубортный блейзер с пуговицами из искусственного черепахового панциря, мягая, застиранная хлопчатобумажная рубашка в поло-ску, с красной вышивкой, шелковый галстук с красно бело синим рисунком в виде фейерверков (от Hugo Boss) и фиолетовые шерстяные брюки от Lazo (косые карманы; спереди — четыре складки). В руках у него стакан с шампанским, который он передает своей спутнице. Она — определенно модель: стройная, с неплохой грудью, задница отсутствует, высокие каблуки. На ней креповая юбка, велюровый жакет (шерсть с кашемиром), через руку перекинута велюровое пальто, все от Louis Dell'Olio. Туфли на каблуках от Susan Bennis Warren Edwards. Темные очки от Alan Mikli. Кожаная сумка с тиснением от Hermès» [Эллис, 2015, с. 30].

В переводе патологическая заикленность героя на идеальном внешнем виде отражена при помощи сохранения подробного описания предметов гардероба (их цвета, фактуры, рисунка и т. д.). При этом несколько выбивается из общей картины определение «застиранная» для рубашки человека, одетого модно и дорого. Скорее всего, под «*prewashed*» здесь подразумевается специально созданный эффект помятости (поношенности) ткани, которого добиваются намеренно. Удачным представляется решение вынесения части уточняющей информации в скобки. Такой подход способствует облегчению восприятия фрагмента, перегруженного деталями, без потери функциональной доминанты. Этой же цели служит членение последнего предложения. Каждому предмету гардероба описание в переводе дается в новом предложении, что также работает на репрезентацию образа героя в переводе, для которого брендовая одежда оцениваемой им женщины важнее ее чувств. Названия брендов одежды без перевода латиницей, что может выполнять функцию ориентации на языковую моду. Так, данная функция выражает своего рода «престиж» заимствованной лексики, а главный герой как раз старается выбирать все модное и престижное.

Стремление к внешнему совершенству, гиперчувствительность по отношению ко всему, что может разрушить имидж грандиозности, приводит к болезненной реакции на превосходство других людей:

«*A brief spasm of jealousy courses through me when I notice the elegance of the color and the classy type*» [Ellis, 2003, p. 39];

«Цвета такие элегантные, шрифт просто великолепенный, и меня охватывает короткая судорога зависти» [Эллис, 2015, с. 32].

В переводе нужный эффект достигается за счет полной грамматической трансформации и перестановки для сохранения тема-рематических

отношений, а также добавления («такие», «просто»), которое позволяет показать степень эмоционального потрясения героя. Болезненная реакция на превосходство других людей представлена в таких маркерах, как «*brief spasm of jealousy*», что реализовано в переводе при помощи модуляции («*короткая судорога зависти*»), которая помогает провести параллель между душевным состоянием и его физическим проявлением («*spasm*» — «*судорога*»).

Показательным является и следующий фрагмент: «*Suddenly the restaurant seems far away, hushed, the noise distant, a meaningless hum, compared to this card...*» [Ellis, 2003, p. 40]; «*Внезапно мне кажется, что ресторан затих и отодвинулся от нас. В сравнении с этой визиткой музыка превратилась в бессмысленный шум...*» [Эллис, 2015, с. 32]. Его прагматический потенциал реализован в переводе при помощи метафоры («ресторан... отодвинулся от нас», «музыка превратилась в бессмысленный шум»). Нужный акцент также достигается за счет членения предложения, таким образом, информативная нагрузка снова на болезненности восприятия героем превосходства над ним другого человека.

Бэйтмен не переносит успеха других людей, ненавидит их, старается причинить им вред вплоть до уничтожения, что находит проявление в речевой агрессии (особенно к женщинам), маркерами которой являются единицы, принадлежащие к обсценной лексике:

«*You are a f...ing ugly bitch I want to stab to death and play around with your blood, 'but I'm smiling*» [Ellis, 2003, p. 53].

«...с улыбкой говорю:

— *Е...ная уродская сука, как бы я хотел забить тебя до смерти и насладиться твоей кровью*» [Эллис, 2015, с. 43].

Речевая агрессия является важной составляющей речевого портрета Бэйтмена, поэтому создаваемый в оригинале за счет использования вульгаризмов эмоциональный эффект должен быть реализован в переводе. Чтобы продемонстрировать одержимость героя влечениями, которые проявляются через половые извращения, а также через жестокие издевательства, переводчик прибегает к экспрессивной конкретизации («*play around*» — «насладиться»), а также к дисфемизации, что позволяет использовать больший по сравнению с английским языком экспрессивный потенциал русскоязычной обсценной лексики.

Анализируемые лингвистические средства, а также их несоответствие выражению лица персонажа («*but I'm smiling*» — «...с улыбкой говорю»), свидетельствуют о целеустановках Бэйтмена, несмотря на то, что собеседники не понимают его истинных коммуникативных намерений. Герой выбирает коммуникативные роли (помогающие ему функционировать в за-

данных условиях), балансируя на грани безумия, которое является метафорой ухода в альтернативный вымышленный мир. Таким образом, агрессия выступает как реакция на пороки общества, желание разрушить этот мир через насилие.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам и заключениям.

1. Тема безумия, или (в терминах психолингвистики) различных расстройств личности, широко представлена не только в научно-популярном, но и в массмедийном и художественном дискурсах ввиду ее острой социальной проблематики. При этом художественное воплощение образа психически нездорового человека позволяет осмыслить данную проблематику при помощи эстетического воздействия, что в свою очередь способствует более глубокому осознанию проблемы и развитию эмпатии у получателя.

2. Описание психических расстройств в художественной литературе часто носит метафорический характер: безумие как реакция на несовершенство общества, попытка ухода в иллюзорный мир или, как крайнее проявление, стремление разрушить этот порочный мир.

3. При создании речевого портрета в зависимости от формы описываемого психического отклонения авторы художественных текстов используют определенные лингвистические маркеры, наблюдаемые по одному или нескольким параметрам. К таким маркерам можно отнести, например, графическое отображение различных орфографических искажений и нарушений грамматической нормы в речи персонажа, парцелированные и эллиптические конструкции, вербализацию имиджа грандиозности, речевую агрессию. При этом, как показало проведенное исследование, используемые лингвистические маркеры достоверно характеризуют реально существующие факты измененного языкового сознания при психических расстройствах. Таким образом, использование данных психолингвистики в качестве некоего *tertium comparationis* могут служить опорой при переводе в поиске соответствий для конвергенции лингвистических приемов и средств, используемых в оригинале.

4. Последовательный предпереводческий анализ на основе предложенного алгоритма с применением данных психолингвистики позволяет проследить особенности отбора автором выразительных средств и выявить релевантные маркеры речевого портрета психически нездорового персонажа для последующей репрезентации этих характеристик как функциональных доминант в переводе. Таким образом, это поможет избежать сдвигов при реализации образа персонажа в переводе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. Киз Д. Цветы для Элджернона : роман / Д. Киз ; пер. с англ. С. Шарова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-699-81423-7.
2. Кинг С. Тот, кто хочет выжить / С. Кинг // Тот, кто хочет выжить (сборник) ; пер. с англ. И. Гуровой. — Москва : АСТ, 2010. — С. 3—32.
3. Эллис Б. И. Американский психопат / Б. И. Эллис ; пер. с англ. В. Ярцева, Т. Покидаевой. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-389-09832-9.
4. Ellis B. E. American Psycho / B. E. Ellis // Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. — 416 p. — ISBN 0307756432, 9780307756435.
5. Keyes D. Flowers for Algernon / D. Keyes. — Orlando, USA : A Harvest Book-Harcourt, Inc., 2004. — 311 p. — ISBN 015603008X.
6. King S. Survivor Type / S. King // Skeleton Crew. — London, England : Hodder & Stoughton, 2022. — Pp. 538—568. — ISBN 9781444723205.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — Санкт Петербург : Азбука, 2000. — 336 с.
2. Горбачева И. А. Графон как средство репрезентации патологической речи литературных героев / И. А. Горбачева, М. В. Григорян // Современные исследования социальных проблем. — 2020. — Т. 12. — № 4. — С. 58—65. — DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-58-65
3. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России : лингвопраксиологическая доминанта / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. — 2014. — № 1 (4). — С. 5—15.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Фигуры. — Москва : Издательство им. Сабашниковых. — 1998. — Т. 2. — С. 60—281.
5. Зеленияева А. А. Стилизация речи героев художественного произведения : когнитивный аспект / А. А. Зеленияева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 19 (730). — С. 45—53.
6. Змановская Е. В. Девиантология / Е. В. Змановская. — Москва : Академия, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-7695-4921-2.
7. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Наука, 1995. — 128 с.
8. Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа : синтаксический аспект / Т. Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (97). — С. 88—94.
9. Короленко Ц. П. Смешанная форма погранично-нарцисстического личностного расстройства у женщин / Ц. П. Короленко, Т. А. Шпикс // Сибирское медицинское обозрение. — 2011. — № 71 (5). — С. 84—87.
10. Куприянова А. И. Интонационно-грамматические девиации современной медиаречи / А. И. Куприянова // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 438—460. — DOI: 10.21638/spbu22.2021.409.

11. *Макеева С. О.* Речевой портрет в круге смежных понятий / С. О. Макеева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2014. — № 3. — С. 79—85.
12. *Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность : проблемы и перспективы развития русистики : доклады Всесоюзной научной конференции. — Москва : ИРЯЗ, 1991. — Ч. 2. — С. 73—75.
13. *Пашковский В. З.* Психиатрическая лингвистика / В. З. Пашковский, В. Р. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский. — Москва : URSS, 2015. — 168 с. — ISBN 978-5-9710-2313-5.
14. *Сковородников А. П.* Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. — 2017. — № 4 (19). — С. 70—79.
15. *Шпильная Н. Н.* Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах / Н. Н. Шпильная // Филология и человек. — 2020. — № 4. — С. 135—144. — DOI: 10.14258/filichel(2020)4-10.
16. *Фомина Е. М.* Особенности репрезентации девиантной личности в художественном мире Дэниела Киза (на материале романов «Цветы для Эдджернона», «Пятая Салли», «Множественные умы Билли Миллигана») / Е. М. Фомина, А. А. Кирсанова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 4 (63). — С. 296—306. — DOI: 10.54770/20729316-2022-34-296.
17. *Bakk Á. K.* Representing mental disorders with virtual reality applications : Designing for multimodality and complex participation / Á. K. Bakk // Frontiers in Virtual Reality. — 2023. — Volume 3. — DOI: 10.3389/frvir.2022.881766.
18. *Çelikel M. A.* Mental health and being smart in Daniel Keyes' Flowers for Algernon / M. A. Çelikel // The Literacy Trek. — 2020. — № 6 (2). — Pp. 81—90. — DOI: 10.47216/literacytrek.672319.
19. *Corcoran C. M.* Using language processing and speech analysis for the identification of psychosis and other disorders / C. M. Corcoran, G. A. Cecchi // Biological Psychiatry : Cognitive Neuroscience and Neuroimaging. — 2020. — T. 5. — № 8. — Pp. 770—779.
20. *Kimmerle J.* The effects of TV and film exposure on knowledge about and attitudes toward mental disorders / J. Kimmerle, U. Cress // Community Psychology. — 2013. — № 41. — Pp. 931—943. — DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.21581>.
21. *Lopera-Mármol M.* Aesthetic Representation of Antisocial Personality Disorder in British Coming-of-Age TV Series / M. Lopera-Mármol, M. Jiménez-Morales, M. Jiménez-Morales // Social Sciences. — 2022. — № 11 (3). — P. 133. — DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci11030133>.
22. *Low D. M.* Automated assessment of psychiatric disorders using speech : A systematic review / D. M. Low, K. H. Bentley, S. S. Ghosh // Laryngoscope Investigative Otolaryngology. — 2020. — № 5. — Pp. 96—116. — DOI: <https://doi.org/10.1002/lio2.354>.
23. *Robb J.* Implicit bias toward people with mental illness : A systematic literature review / J. Robb, J. Stone // Journal of Rehabilitation. — 2016. — № 82 (4). — Pp. 3—13.
24. *Stanger Elran R.* A Mind Trying to Right/Write Itself : Metaphors in Madness Narratives / R. Stanger Elran // Humanities. — 2019. — № 8 (2). — P. 118. — DOI: <https://doi.org/10.3390/h8020118>.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

- Ellis, B. E. (2010). *American Psycho*. Knopf Doubleday Publishing Group. 416 p. ISBN 0307756432, 9780307756435.
- Ellis, B. I. (2015). *American psychopath*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 480 p. ISBN 978-5-389-09832-9. (In Russ.).
- Keyes, D. (2004). *Flowers for Algernon*. Orlando, USA: A Harvest Book-Harcourt, Inc. 311 p. ISBN 015603008X.
- Keyes, D. (2016). *Flowers for Algernon: a novel*. Moscow: Publishing House “E”. 320 p. ISBN 978-5-699-81423-7. (In Russ.).
- King, S. (2022). Survivor Type. In: *Skeleton Crew*. London, England: Hodder & Stoughton. 538—568. ISBN 9781444723205.
- King, S. (2010). The one who wants to survive. In: *The one who wants to survive (collection)*. Moscow: AST. 3—32. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (2000). *Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities*. St. Petersburg: Azbuka. 336 p. (In Russ.).
- Bakk, Á. K. (2023). Representing mental disorders with virtual reality applications: Designing for multimodality and complex participation. *Frontiers in Virtual Reality*, 3. DOI: 10.3389/frvir.2022.881766.
- Çelikel, M. A. (2020). Mental health and being smart in Daniel Keyes’ *Flowers for Algernon*. *The Literacy Trek*, 6 (2): 81—90. DOI: 10.47216/literacytrek.672319.
- Corcoran, C. M., Cecchi, G. A. (2020). Using language processing and speech analysis for the identification of psychosis and other disorders. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 5 (8): 770—779.
- Duskaeva, L. R. (2014). Media linguistics in Russia: linguopraxiological dominant. *Media linguistics*, 1 (4): 5—15. (In Russ.).
- Fomina, E. M., Kirsanova, A. A. (2022). Features of the representation of a deviant personality in the artistic world of Daniel Keyes (based on the novels “*Flowers for Algernon*”, “*The Fifth Sally*”, “*Billy Milligan’s Multiple Minds*”). *New Philological Bulletin*, 4 (63): 296—306. DOI: 10.54770/20729316-2022-34-296. (In Russ.).
- Genette, J. (1998). Narrative discourse. In: *Figures*, 2. Moscow: Publishing House. Sabashnikov. 60—281. (In Russ.).
- Gorbacheva, I. A., Grigoryan, M. V. (2020). Graphon as a means of representing the pathological speech of literary heroes. *Modern studies of social problems*, 12 (4): 58—65. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-58-65. (In Russ.).
- Kimmerle, J., Cress, U. (2013). The effects of TV and film exposure on knowledge about and attitudes toward mental disorders. *Community Psychology*, 41: 931—943. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.21581>.
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). *Russian speech portrait. Phonohrestomatia*. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2015). Speech portrait of a character: syntactic aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (97): 88—94. (In Russ.).
- Korolenko, Ts. P., Shpiks, T. A. (2011). Mixed form of borderline narcissistic personality disorder in women. *Siberian Medical Review*, 71 (5): 84—87. (In Russ.).
- Kupriyanova, A. I. (2021). Intonation-grammatical deviations of modern media speech. *Media linguistics*, 8 (4): 438—460. DOI: 10.21638/spbu22.2021.409. (In Russ.).

- Lopera-Mármol, M., Jiménez-Morales, M. (2022). Aesthetic Representation of Antisocial Personality Disorder in British Coming-of-Age TV Series. *Social Sciences*, 11 (3): P. 133. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci11030133>.
- Low, D. M., Bentley, K. H., Ghosh, S. S. (2020). Automated assessment of psychiatric disorders using speech: A systematic review. *Laryngoscope Investigative Otolaryngology*, 5: 96—116. DOI: <https://doi.org/10.1002/lio2.354>.
- Makeeva, S. O. (2014). Speech portrait in the circle of related concepts. *Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian studies*, 3: 79—85. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1991). “Sociolinguistic portrait” and methods of its description. In: *Russian language and modernity. Problems and prospects of the development of Russian studies. Reports of the All-Union Scientific Conference*, 2. Moscow: IRYaz. 73—75. (In Russ.).
- Pashkovsky, V. Z., Piotrovskaya, V. R., Piotrovsky, R. G. (2015). *Psychiatric linguistics*. Moscow: URSS. 168 p. ISBN 978-5-9710-2313-5. (In Russ.).
- Robb, J., Stone J. (2016). Implicit bias toward people with mental illness: A systematic literature review. *Journal of Rehabilitation*, 82 (4): 3—13.
- Shpilnaya, N. N. (2020). Features of altered linguistic consciousness in mental disorders. *Philology and man*, 4: 135—144. DOI: 10.14258/filichel(2020)4-10. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017). Language trauma as a linguoecological concept and problem (based on the material of modern Russian media). *Media linguistics*, 4 (19): 70—79. (In Russ.).
- Stanger Elran, R. (2019). A Mind Trying to Right/Write Itself: Metaphors in Madness Narratives. *Humanities*, 8 (2): P. 118. DOI: <https://doi.org/10.3390/h8020118>.
- Zelenyaeva, A. A. (2015). Stylization of the speech of the heroes of a work of art: cognitive aspect. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 19 (730): 45—53. (In Russ.).
- Zmanovskaya, E. V. (2008). *Deviantology*. Moscow: Academy. 288 p. ISBN 978-5-7695-4921-2. (In Russ.).

*The article was submitted 10.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*